
МАТЕРИАЛЫ АРИСТОТЕЛЕВСКИХ ЧТЕНИЙ
(МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА, МАЙ 2018)

**«Назад к Аристотелю»:
достоинство знания как проблема эпистемологии**

© 2020 г. Т.Г. Щедрина^{1*}, Б.И. Пружинин^{2**}

¹ Институт социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (МПГУ), Москва, 119435, ул. Малая Пироговская, д. 1; журнал «Вопросы философии», Москва, 117418, Нахимовский пр., д. 47.

² Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; журнал «Вопросы философии», Москва, 117418, Нахимовский пр., д. 47.

*E-mail: tannirra@yandex.ru

**E-mail: prubor@mail.ru

Поступила 02.04.2019

Характеризуя интеллектуальную значимость трудов Христиана Вольфа, Г.В.Ф. Гегель заметил: «Вольф дефинировал мир сознания, как это можно сказать также и об Аристотеле» [Гегель 1994, 418]. Но Гегель уточняет при этом: Вольфа отличает то, что он «мыслил *только* рассудочно, между тем как Аристотель мыслил предмет спекулятивно» [Там же]. Для авторов данной статьи это уточнение принципиально важно: Аристотель сумел дефинировать сознание, которое было положено в основание европейской мысли, а стало быть, всякий раз, когда европейская мысль переживает достаточно серьезные изменения, возникает настоятельная потребность вернуться к Аристотелю, чтобы дефинировать возникающие при этом особенности сознания. По крайней мере, именно так, на наш взгляд, должен быть поставлен вопрос применительно к философско-методологическому сознанию современной науки, которая является одним из оснований европейской культуры, ибо очевидными ныне становятся захватывающие ее сегодня весьма противоречивые процессы. Наука трансформируется и, соответственно, меняется социокультурный статус научного познания, из понятия истины исчезает методологический смысл, оспаривается трактовка знания как блага (изначально лежавшая в основаниях науки и имевшая экзистенциально-ценностный, а не ценовой смысл). В статье обосновывается тезис о том, что введенный Аристотелем концепт «достоинство знания» открывает новые перспективы для философско-методологического осмысления этих процессов.

Ключевые слова: Аристотель, эпистемология, достоинство знания, истина, наука, методология науки, философия.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-18-26

Цитирование: Щедрина Т.Г., Пружинин Б.И. «Назад к Аристотелю»: достоинство знания как проблема эпистемологии // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 18–26.

“Back to Aristotle”: the Dignity of Knowledge as a Problem of Epistemology

© 2020 г. Tatiana G. Shchedrina^{1*}, Boris I. Pruzhinin^{2**}

¹ Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University (MPGU), 1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russian Federation; Journal “Voprosy Filosofii”, 47, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117418, Russian Federation.

² Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; Journal “Voprosy Filosofii”, 47, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117418, Russian Federation.

*E-mail: tannirra@yandex.ru

**E-mail: prubor@mail.ru

Received 02.04.2019

Describing the intellectual significance of the works of Christian Wolff, Hegel remarked: “...Wolf die Welt des Bewußtseyns definirt, wie man es auch von Aristoteles sagen kann” [Hegel 1844, III, 427]. But Hegel clarifies at the same time: “Was ihn von Aristoteles unterscheidet, ist, daß er sich nur verständig dabei verhalten hat; während Aristoteles den Gegenstand spekulativ behandelte” [Ibid., 427–428]. For the authors of this article, this clarification is fundamentally important: Aristotle managed to determine the consciousness that was the basis of European thought, and therefore, whenever European thought undergoes quite serious changes, there is an urgent need to return to Aristotle to determine new consciousness features. At least that is precisely how, in our opinion, the question should be posed in relation to the philosophical and methodological consciousness of modern science, which is one of the foundations of European culture, because very controversial processes that capture it are becoming apparent today. Science is being transformed and, accordingly, the socio-cultural status of scientific knowledge is changing, the methodological meaning disappears from the concept of truth, the interpretation of knowledge as a good is disputed (originally lying in the foundations of science and having an existential-value rather than price meaning). The article substantiates the thesis that the concept “the dignity of knowledge” introduced by Aristotle opens up new prospects for a philosophical and methodological understanding of these processes.

Keywords: Aristotle, epistemology, the dignity of knowledge, truth, science, methodology of science, philosophy.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-18-26

Citation: Shchedrina, Tatiana G., Pruzhinin, Boris I. (2020) ‘Back to Aristotle: the Dignity of Knowledge as a Problem of Epistemology’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2020), pp. 18–26.

Обратиться к концепту «достоинство знания», которым активно пользовался Аристотель, нас, авторов этой статьи, подвигла работа над изданием трудов по истории русской философии. В свое время в статье «Мудрость или разум?» Г.Г. Шпет следующим образом определял важнейшую историческую заслугу Аристотеля: «Аристотель, автор и источник многих псевдофилософских теорий, правильно, однако, уловил идею европейской философии как чистого знания: “Ясно, что мы ищем философии не по причине какой-либо пользы, для нее посторонней. Как человека мы называем свободным, когда

его цель – он сам, а не кто-либо иной, так и философия: она одна – свободное знание, так как только у нее цель – в ней самой”. Это – то, чего не может понять Восток, допускающий знание только для мудрости, и что разучивается понимать современная государственная и капиталистическая Европа, допускающая знание только для техники. “Оторванность от жизни”, “бесполезность”, “кабинетная ученость”, “схоластика”, “метафизика” и много других укоров отливают из почетных вообще имен современные идеологи мудрости, рассчитывавшие найти в философии средства для устройства своих моральных, душевных, религиозных и других дел. За идеологами – ряды “вершителей”, действительно, не оторванных, а крепко привязанных к жизни, – чиновники, инженеры, депутаты, рясофоры. С сожалением приходится констатировать, что не только псевдофилософия, но и сама философия сделала в этом отношении странные и ничем не оправдываемые уступки» [Шпет 2006, 358].

Сегодня эти «уступки», в частности в области философии науки, становятся все более серьезными. Они стимулируются нарастающей прагматизацией современной науки. Между тем, наука – это не просто полезная социальная структура, но прежде всего, исторический феномен, возникший благодаря стремлению к знанию как культурной и, соответственно, экзистенциальной ценности. Научное познание ценно, поскольку оно стремится к истине, вырабатывая общезначимые представления о мире. Вообще говоря, еще совсем не так давно эти утверждения могли бы рассматриваться как тривиальные констатации. Сегодня, однако, требуется усилие, чтобы соотнести их с реальностью современной науки. Возвращение к аристотелевскому концепту «достоинство знания» и его переосмысление в современной философско-методологической рефлексии над наукой, может, на наш взгляд, весьма действенно способствовать сохранению и развитию науки не только как прагматически полезной социальной структуры, но и как стержневой ценности европейской культуры.

Здесь, однако, необходимо привести одно очень важное для темы этой статьи уточнение: стремление к истине в науке никогда не исчерпывалось оценкой отдельных достижений и, тем более, отдельных практически эффективных результатов. Наука развивалась лишь тогда, когда частные достижения оценивались по их вкладу в разработку целостной системы знания о мире, которая, помимо всего прочего, и обеспечивает общезначимость научных достижений. Этот момент в философско-методологическом осмыслении истины как культурной ценности, как глубинной цели научного познания сегодня зачастую просто упускается из виду.

Не так давно по инициативе журнала «Вопросы философии» был проведен круглый стол, посвященный обсуждению методологической значимости концепта «достоинство знания» [Достоинство 2016]. При этом большинство участников (В.А. Лекторский, В.П. Филатов и др.) склонялось к мысли, что слово «достоинство» сегодня позволительно употреблять лишь применительно к оценке добродетельности человека и его поступков, т. е. применительно к оценке социального статуса человека (в том числе и его отношения к науке) [Там же, 27, 43, 55]. Высказывалось также мнение, согласно которому концепт «достоинство» может, конечно, применяться и к оценке статуса познавательной деятельности человека как сферы его поступков, ее социальной ценности и в том числе ее этического статуса (напомним, к примеру, об отказе некоторых ученых от участия в разработке химического и атомного оружия и т. д.), но по отношению к эпистемологическим, а тем более к методологическим параметрам научного познания такая оценка знания по его достоинству может выступать лишь как весьма размытая метафора [Там же, 25–26]. Бесспорно, эта позиция имеет в сегодняшней реальности научно-познавательной деятельности очень серьезные основания. Скажем, если принять во внимание социальные последствия использования достижений науки, то возникает вопрос: всегда ли познание социально оправдано само по себе, а чистое знание всегда ли благо? И отвечая на подобные вопросы, мы действительно можем констатировать (вслед за одним из участников «круглого стола» В.Н. Порусом): оценивать достоинство того или иного знания допустимо лишь в этическом измерении, но никак не применительно к оценке его эпистемологического статуса [Там же, 25]. Однако мы заметим: рассуждения

эти касаются именно практического применения знания, т. е. речь идет о приложениях науки, и относятся они к науке как социальной институции. Поэтому их можно признать оправданными, но лишь отчасти. Ибо наука отнюдь не исчерпывается этическим и социально-антропологическим ракурсами.

Наука, конечно же, всегда ориентировалась на практические приложения, и одним из источников ее развития всегда было совершенствование технологий самой различной (в том числе не всегда благой) направленности. Но статус культурного феномена, который собственно и сделал науку наукой, она все же обрела именно на базе специфических духовных практик общения. Именно в этом качестве знание представало как благо безусловное, как экзистенциальная ценность европейской культуры. А в таком ракурсе в центре внимания оказываются эпистемологические параметры знания и, в частности, его достоинство как внутренне сбалансированного, цельного, гармоничного духовного образования. Именно такая трактовка достоинства знания присутствовала и, если угодно, даже доминировала в контексте в восходящей к Аристотелю историко-философской традиции. Сегодня этот взгляд на науку вновь становится актуальным, можно даже сказать, злободневным, поскольку акцентируемая в нем внутренняя собранность, слаженность, гармоничность знания образует его измерение как блага, и в этом плане противостоит (или хотя бы уравнивает) нарастающую прикладную ориентацию современной науки.

«А знание и понимание ради самого знания и понимания, – писал Аристотель в “Метафизике”, – более всего присущи науке о том, что наиболее достойно познания, ибо тот, кто предпочитает знание ради знания, больше всего предпочтет науку наиболее совершенную, а такова наука о наиболее достойном познания. А наиболее достойны познания первоначала и причины, ибо через них и на их основе познается все остальное, а не они через то, что им подчинено. И наука, в наибольшей мере главенствующая и главнее вспомогательной, – та, которая познает цель, ради которой надлежит действовать в каждом отдельном случае; эта цель есть в каждом отдельном случае то или иное благо, а во всей природе вообще – наилучшее.

Итак, из всего сказанного следует, что имя [мудрости] необходимо отнести к одной и той же науке: это должна быть наука, исследующая первые начала и причины: ведь и благо, и “то, ради чего” есть один из видов причин. ...удивление побуждает людей философствовать...» (Met. I, 2, 982a 30, 982b 5–10) [Аристотель 1976, 68–69].

В приведенном русском переводе «Метафизики» словом «достоинство» обозначено греческое слово «арете». Именно об арете говорил Аристотель применительно к знанию. Как замечает Ю.А. Шичалин, русский перевод «арете» как «добродетели» «...не отражает исходного значения арете: “собранность, слаженность, пригодность” <...> При рассмотрении природы арете Аристотель также исходит из строения человеческой души. Поскольку в душе есть разумная и неразумная части <...>, арете делятся <...> на этические и дианоэтические, или арете нрава и ума... Помимо этого Аристотель различает арете природные <...> и арете в собственном смысле слова <...>, причем вторые – в отличие от первых – невозможны без разума <...> Возвращаясь к традиционному пониманию арете как середины <...>, Аристотель трактует отдельные этические арете как среднее состояние между избытком и недостатком некоего качества в страстях и поступках <...>; вместе с тем Аристотель подчеркивает сознательный характер арете: добродетели суть некий результат выбора <...>, или – не без выбора <...>. Дианоэтические арете делятся исходя из противопоставления в сфере ума знания и рассуждения: цель первого – истина как таковая, достижимая благодаря науке и уму; второго – истина, достижимая в поведении и творчестве благодаря искусству и практической сметке...» [Шичалин 2000, 166–167]. Итак, Аристотель учитывал различные возможности трактовки «достоинства», он применял этот термин и по отношению к человеку, и по отношению к знанию.

Применительно к собственно научному знанию Аристотель интерпретирует «достоинство» как «...некоторого рода совершенство; в самом деле, всякая вещь и всякая сущность совершенны в том случае, если по виду их достоинства у них не отсутствует

ни одна часть естественной величины» (Мет. V, 16, 1021b 20) [Аристотель 1976, 169]; и еще: «достоинство есть некоторое совершенство, ибо, когда предмет достигнет собственного ему достоинства, тогда он называется совершенным, так как тогда наиболее соответствует своей природе» (Физика. VII, 3, 246a 10–15) [Аристотель 1981, 212].

Между прочим, и сегодня практически все смысловые оттенки концепта «достоинство», акцентированные Аристотелем, присутствуют в языке. Причем для нас принципиально важно, что речь может идти как бы о количественном выражении, о мере совершенства личности или гражданина, о степени достоинства собеседника или противника, о достоинстве монеты или купюры, о достоинстве той или иной марки автомобилей и пр., т. е., по сути, об измерении внутреннего совершенства предмета оценки – строго говоря, не о цене как обобщенном выражении социальных параметров оцениваемого предмета, а о его соответствии себе самому. В том числе речь может идти и о достоинстве знания применительно к его практическому использованию – о рациональной оценке достоинств, например, программных разработок для решения конкретных компьютерных задач. Однако в полной мере эпистемологическая значимость понятия «достоинство знания» обнаруживается тогда, например, когда мы оцениваем ньютоновскую механику как предтечу и основание механики квантовой, т. е. когда мы осмысливаем культурно-историческую преемственность в динамике научного познания. Таким образом, практический контекст не исчерпывает всех возможностей применения термина «достоинство». Достоинство это не только внешний (социальный, антропологический или этический), но внутренний параметр знания, позволяющий сопоставлять данный фрагмент реальности со знанием о мире как таковым в его идеале, а стало быть, осмысливать его истинность. И в этом контексте концепт «достоинство знания» в трактовке Аристотеля обретает сегодня актуальность также и в сфере методологической проекции эпистемологии.

На наш взгляд, потребность в интегрирующей квалификации научного знания, участвующей и эпистемологические, и культурно-исторические его измерения (что, собственно, и фиксирует в себе концепт «достоинство знания»), обусловлена настоящим эпистемологическим запросом и от самой современной науки. Прагматизация науки ведет к исчезновению ее культурного смысла, а вместе с тем – и к фрагментации ее под прикладные цели, что, в конечном счете, оборачивается утерей методологического единства науки. В результате самыми острыми вопросами философии науки становятся сегодня методологические проблемы междисциплинарного взаимодействия и, соответственно, эпистемологическая проблематика институционализации познавательной деятельности – проблематика «коллективности субъекта познания» [Галисон 2018; Пронских 2018; Пружинин 2019].

Философско-методологическое сознание современной науки нуждается в философской проработке оценок знания в единстве его гуманитарных, социально-экономических, технико-прикладных и, что чрезвычайно сегодня важно, когнитивных измерений. При всей самостоятельной значимости всех этих характеристик научно-познавательной деятельности они, оцениваемые по отдельности, не складываются в методологически эффективное представление о современной научно-познавательной практике. В своей разобщенности они не создают достаточно эффективный мотивационный и методологический фон, способный обеспечить осмысленную работу ученых в современных научных институтах, что, в конечном счете, порождает релятивистские настроения, размывающие границы научности их работы. Поэтому сегодня столь необходим интегрирующий философский подход, способный так соединить в философско-методологической рефлексии над наукой ее ценностные и когнитивные параметры, чтобы они хотя бы не исключали друг друга, чтобы их взаимное соотношение было хотя бы в чем-то подобно по своей методологической эффективности соотношению неопределенностей в квантовой механике. На наш взгляд, разработанный Аристотелем концепт «достоинство знания» открывает такую перспективу.

Между прочим, эта перспектива была схвачена почти столетие назад в эпистемологической стилистике русской философии. И возможным это стало, прежде всего, потому, что

в основе отечественной философии того времени лежали принципиальный историзм и идея общения как культурного ориентира научного познания (см.: [Pruzhinin, Shchedrina 2017a]). Мы следующим образом можем ответить на вопрос, что предполагает концепт «достоинство знания», положенный в основание интеграции культурно-исторических и когнитивных измерений научного знания. «Если кратко – характерную для отечественной философской традиции трактовку общения ученых как самодовлеющей (самодостаточной) культурной ценности» [Достоинство 2016, 23].

Достоинство конкретного данного знания в этом случае определяется тем, насколько это знание, включаясь в общение ученых, обеспечивает взаимопонимание и единство их взглядов. При этом важно подчеркнуть: эта общность понимания отнюдь не предполагает полного совпадения взглядов, но основывается на возможности так или иначе включить данное знание в процесс общения. А коль скоро речь идет об общении ученых, включить его в динамику познания, в процессы расширения знаемого. Именно о так понимаемом познании – как стремлении обрести «цельное знание» – размышляли П. Юркевич и Вл. Соловьев, вводя концепт «достоинство знания» (см.: [Там же, 47–48; Pruzhinin, Shchedrina 2017б]). Таким образом, в русской философской традиции методологически эффективный смысл этого концепта сложился в связи со специфическим представлением о сути и статусе феномена общения, не сводимого к простому информационному обмену. И именно эта «несводимость» наделяет концепт «достоинство знания» интегративной методологической эффективностью.

Зачастую это стремление русской философии к цельному знанию возводят к Платону, но в данном случае, коль скоро речь идет о методологическом сознании науки, нам важно, что в отечественной философии были попытки увидеть истоки такого понимания знания в творчестве Аристотеля. Так, Шпет, практически наперекор распространенным тогда трактовкам логики Аристотеля как формальной, выхолащивающей содержание, рассматривает формальную логику Аристотеля как науку о средствах выражения знания. В первой части книги «История как проблема логики» он писал: «Логика Аристотеля есть прежде всего логика изложения и доказательства, силлогизм есть ее замечательное орудие. Что *нового* предлагает Бэкон? – *Индукцию*, – но не как метод изложения, а как метод нахождения или открытия “законов”, а по *современному* толкованию индукции, “причин”. Едва ли нуждается в доказательстве, что аристотелевская силлогистика меньше всего претендует на то, чтобы быть *ars inveniendi*. Поэтому вся полемика Бэкона против силлогизма в его первой части Нового Органона бьет мимо цели и попадает не в Аристотеля, а в Раймунда Луллия, например, и ему подобных, т. е. даже *не в логику* как *ars bene disserendi*. *Новое*, таким образом, в Новом Органоне состоит в том, что на место логики мы здесь получаем опыт естественно-научной *эвристики*» [Шпет 2014, 81–82].

Действительно, Новое время интерпретировало Аристотеля именно в сторону прагматизации – знание уже не рассматривалось как благо само по себе. (Так у Гоббса: «Знание не благо, а путь к его достижению».) И цель познания оказалась вне самого знания. И здесь следует подчеркнуть еще один важнейший культурный смысл, который увидел Аристотель в познании как достойном деле. Его формальная логика это выработка общезначимых принципов выражения познанного. И здесь слово-понятие «общезначимость» фактически коррелирует с концептом «достоинство знания», поскольку оно акцентирует не только прикладную социальную полезность знания, но и его культурную, а стало быть и экзистенциальную значимость для общения людей. При этом обнаруживается, что «достоинство знания» соотносимо также с идеей признания (*Anerkennung*) [Щедрина 2015]. Ибо понимание в общении, в разговоре становится возможным лишь тогда, когда смысл признается и осознается всеми участниками беседы, когда в ходе обсуждения поле разговора «воздвигается» (как воздвигается, культивируется душа, по Цицерону). Но происходит это лишь тогда, когда общение (пусть даже на предельно специальные научные темы) осознается его участниками как культурная и историческая ценность.

Сегодня много и обстоятельно анализируют коммуникативные аспекты познавательной деятельности – внешние и внутренние аспекты коммуникации науки в целом,

междисциплинарную коммуникацию и даже проблемы коммуникации, возникающие внутри отдельных научных институций, между отдельными учеными. Истоки этого интереса к коммуникативной структуре науки понятны – вместе с изменением характера научных практик изменились структура и характер функционирования научных сообществ. Естественно, серьезные изменения произошли и в структуре научного общения. (Впрочем, сказанное можно отнести далеко не только к общению в науке.) Но, осмысливая происходящие изменения, важно не ограничиваться констатацией происходящего.

Бесспорно, современная наука институционализировалась и, фактически, является ныне социальной подсистемой общества со всеми его сегодняшними реалиями. Очевидно, что глобальная компьютеризация раздвинула рамки технологических возможностей внутринаучной и внешней коммуникаций, Интернет сделал несущественным расстояния и государственные границы научных сообществ, а в результате существенно расширились возможности информационного обмена и резко возросли объемы перерабатываемой научными сообществами информации... И конечно же, без осмысления этих технологических и организационно-технических аспектов коммуникативной работы современных научных сообществ невозможно понять особенности общения ученых XXI в., а также выявить изменения в дисциплинарной структуре науки (они происходят именно в силу изменения коммуникативных связей и отношений в науке). Все это является практически важным и требует самого пристального внимания, в том числе и внимания философов-эпистемологов (в частности, эти аспекты научных коммуникаций находятся сегодня в центре внимания социальной эпистемологии). Но в нынешней ситуации, когда научное сообщество переживает глубокие потрясения, затрагивающие самые основания науки (а мы полагаем и всей европейской культуры), важно не упустить из виду роль общения ученых, в ходе которого выражается (т. е. собственно, рождается) знание, ибо эти потрясения затрагивают, в частности, самую суть профессиональной коммуникации науки как культурного феномена. И в этой ситуации нам представляется, что возвращение аристотелевского концепта «достоинство знания» в контекст современных эпистемологических исследований открывает новые методологические перспективы, связанные с выявлением культурно-смысловых измерений знания в сфере ее коммуникации [Коммуникации 2017].

Мысль о том, что знание может быть оценено по его «достоинству», позволяет увидеть гуманитарные (культурно-исторические и экзистенциально-личностные) аспекты знания через способы его знаково-символического выражения в общении. Тем самым открывается методологическая перспектива исследования ценностного измерения научного знания. Символическая соотнесенность исследуемого фрагмента со всей системой имеющегося знания методологически утверждает и оценивает смысловую ценность (достоинство) данного фрагмента и, в конечном счете, задает его смысловую интерпретацию. Оценивая знание по достоинству, мы акцентируем в нем измерение, в котором открывается перспектива его постоянного смыслового (символического) расширения как расширения сферы общения. Оценка достоинства знания в контексте культурно-исторического стремления науки к целостному знанию есть оценка культурной ценности любого конкретного научного достижения, самооценности любого фрагмента знания как культурного феномена. В этом плане такая оценка отлична от цены научных результатов, от затрат на их производство и прибыли от их возможного использования. Вот этот аспект современной научно-познавательной деятельности мы и хотели здесь подчеркнуть, опираясь на Аристотеля.

Источники – Primary Sources in Russian, Russian Translation and German

Аристотель 1976 – *Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Сочинения. М.: Наука, 1976. С. 64–367 [Aristotelis, *Metaphysica* (Russian Translation)].

Аристотель 1981 – *Аристотель*. Физика // Аристотель. Сочинения. М.: Наука, 1981. С. 60–262 [Aristotelis, *Physica* (Russian Translation)].

Гегель 1994 – *Гегель Г.Ф.В.* Лекции по истории философии. Кн. 3. СПб., 1994. С. 418. [Hegel, Georg W.F. *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie* (Russian Translation, 1935)].

Шпет 2006 – Шпет Г.Г. Мудрость или разум? // Шпет Г.Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2006. С. 311–365 [Shpet, Gustav G. *Wisdom or Reason?* (in Russian)].

Шпет 2014 – Шпет Г.Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Часть первая. Материалы / Отв. ред.-сост., предисловие, комм., археогр. работа и реконструкция Т.Г. Щедрина. М.; СПб.: Университетская книга, 2014 [Shpet, Gustav G. *History as a Problem of Logic: Critical and Methodological Studies. Part one. Materials* (in Russian)].

Hegel, Georg Wilhelm Friedrich (1844) *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie*, III, Verlag von Duncker und Humboldt, Berlin.

Ссылки – References in Russian

Галисон 2018 – Галисон П. Коллективный автор // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 93–113.

Достоинство 2016 – Пружинин Б.И., Автономова Н.С., Бажанов В.А., Грифцова И.Н., Касавин И.Т., Князев В.Н., Лекторский В.А., Махлин В.Л., Микешина Л.А., Ольхов П.А., Порус В.Н., Сорина Г.В., Филатов В.П., Щедрина Т.Г. Достоинство знания как проблема современной эпистемологии. Материалы “круглого стола” // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 20–56.

Коммуникации 2017 – Пружинин Б.И., Антоновский А.Ю., Воронина Н.Н., Грифцова И.И., Дорожкин А.М., Касавин И.Т., Масланов Е.В., Невважай И.Д., Пирожкова С.В., Соколова Т.Д., Сорина Г.В., Столярова О.Е., Щедрина Т.Г., Юдин Б.Г. Коммуникации в науке: эпистемологические, социокультурные, инфраструктурные аспекты. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 23–57.

Пронских 2018 – Пронских В.С. Коллаборация большой науки как вызов трансцендентальному субъекту // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 88–92.

Пружинин 2019 – Пружинин Б.И. Коллективный субъект в научной традиции (философско-методологические заметки) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 2. С. 105–110.

Шичалин 2000 – Шичалин Ю.А. Арете // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2000. С. 166–167.

Щедрина 2015 – Щедрина И.О. «Признание» как форма выбора: Густав Шпет и Поль Рикёр // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения. Материалы Всероссийской научной конференции, 27–28 октября, 2015 г. М.: Научная мысль, 2015. С. 79–85.

References

Galison, Peter (2003) “The Collective Author”, Galison, Peter, Biagioli, Mario (ed.), *Scientific Authorship: Credit and Intellectual Property in Science*, Routledge, New York and Oxford, pp. 325–353 (Russian Translation, 2018).

Pronskikh, Vitaly S. (2018) ‘Big Science Collaboration as a Challenge to Transcendental Subject’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2018), pp. 88–92 (in Russian).

Pruzhinin, Boris I. (2019) ‘The collective subject in scientific tradition: philosophical and methodological notes’, *Humanities Research in the Russian Far East*, 48, 2, pp. 105–110 (in Russian).

Pruzhinin, Boris I., Avtonomova, Natalya S., Bazhanov, Valentin E., Filatov Vladimir P., Griftsova, Irina N., Kazavin Ilya T., Knyazev, Viktor N., Lectorsky, Vladislav A., Makhlin, Vitaly L., Mikeshina, Lydmila A., Olkhov, Pavel A., Porus, Vladimir N., Shchedrina, Tatiana G., Sorina, Galina V. (2016) ‘The Self-Integrity of Knowledge as a Problem of Modern Epistemology. Materials of Round Table’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2016), pp. 20–56 (in Russian).

Pruzhinin, Boris I., Antonovskiy, Alexander Yu., Dorozhkin, Aleksander M., Griftsova, Irina N., Kasavin, Ilya T., Maslanov, Evgeniy V., Nevvazhay, Igor D., Pirozhkova, Sophia V., Shchedrina, Tatiana G., Sokolova, Tatiana D., Sorina, Galina V., Stoliarova, Olga E., Voronina, Natalia N., Yudin, Boris G. ‘Communications in Science: Epistemological, Socio-cultural and Infrastructural Aspects. Materials of the Round Table’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2017), pp. 23–57 (in Russian).

Pruzhinin Boris I., Shchedrina, Tatiana G. (2017a) ‘The Ideas of Cultural-Historical Epistemology in Russian Philosophy of the Twentieth Century’, *Social Epistemology*, 31, 1, pp. 16–24.

Pruzhinin, Boris I., Tatiana G. Shchedrina (2017b) ‘On the Specifics of Russian Philosophy: A Reply to Mikhail Sergeev’, *Social Epistemology Review and Reply Collective*, 6, 8, pp. 37–41.

Shchedrina, Irina O. (2015) ‘Recognition as a Form of Choice: Gustav Shpet and Paul Ricoeur’, *A Person Before a Choice in the Modern World: Problems, Opportunities, Solutions. Materials of the All-Russian Scientific Conference*, October 27–28, *Nauchnaya Mysl’*, Moscow, pp. 79–85 (in Russian).

Shichalin, Yuriy A. (2000) ‘Arete’, *Novaya filosofskaya entsiklopediya*, *Mysl’*, Moscow, pp. 166–167 (in Russian).

Сведения об авторах

ЩЕДРИНА Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования МПГУ.

ПРУЖИНИН Борис Исаевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии».

Author's Information

SHCHEDRINA Tatiana G. – DSc in Philosophy, Professor at Department of Philosophy of Institute of Social Humanitarian Education at MPSU.

PRUZHININ Boris I. – DSc in Philosophy, Main Research Fellow in Institute of Philosophy RAS, Editor-in-chief of Journal “Voprosy Filosofii”.